

РЕЧЕВЫЕ ФОРМУЛЫ В ДИАЛОГАХ АНТРОПОМОРФНЫХ ОБРАЗОВ РУССКИХ И БАШКИРСКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК

Хайрнурова Ляйсан АСЛЯМОВНА¹,

Фаткуллина Флюза ГАБДУЛЛИНОВНА²

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена изучению языковых и сюжетно-композиционных особенностей антропоморфных образов русских и башкирских волшебных сказок. Подтверждается гипотеза функциональной модели В. Я. Проппа о том, что в структуре сказки, в ее лексике и типологии действующих лиц много традиционного, повторяющегося в разных произведениях. Данная тема не теряет актуальности, так как русские и башкирские волшебные сказки отражают национально-языковые картины мира указанных народов.

Ключевые слова: языковые особенности, художественные средства языка, антропоморфные образы, русские и башкирские волшебные сказки, Баба-Яга, Кощей Бессмертный, старик-иргаиль или старик-карлик, старуха-обжора.

---

¹аспирант кафедры русской филологии факультета башкирской филологии и журналистики Башгосуниверситета, хайрнурова.л@yandex.ru

²доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии факультета башкирской филологии и журналистики Башгосуниверситета, fluzarus@rambler.ru

ANTHROPOMORPHIC IMAGES OF RUSSIAN AND BASHKIR FAIRY-TALES

Xairnurova Lyaisan Aslyamovna³

Prof.Dr. Fatkullina Fluza Gabdullinovna⁴

ABSTRACT

The article is devoted to investigating linguistic, narrative and compositional peculiarities of anthropomorphic images of Russian and Bashkir fairy-tales. The paper confirms the hypothesis of V.Ya. Propp functional model which suggests that the structure, lexis and typology of characters in the fairy-tale involves a host of traditional features characteristic of various works. These theme remains topical because both Russian and Bashkir fairy tales reflect national and linguistic worldviews of the mentioned peoples.

Key words: linguistic peculiarities, stylistic devices, anthropomorphic images, Russian and Bashkir fairy-tales, Baba-Yaga witch, Koschei the Immortal, old man igrail or old dwarf, old woman-glutton.

---

³ PhD Candidate, Bashkir State University, xajrnurova.l@yandex.ru

⁴ Bashkir State University, Head of Russian Language Department, fluzarus@rambler.ru

Волшебными или чудодейственными свойствами наделены в волшебных сказках и антропоморфные образы, тесно связанные с главными героями. К антропоморфным образам относятся Баба-Яга, Кощей Бессмертный, леший, водяной, мæскэй эбей, напоминающая Бабу-Ягу, убырлы карсык (или старуха-обжора), иргайль или старик сам в одну пядь, борода в тысячу пядей, Урман хужаһы (Лесной хозяин), Шүрәле (Леший) и т.д. Наиболее могущественными среди них являются образы Бабы Яги и Кощея. В башкирских сказках – это старик-иргәйел, старуха-обжора или мæскэй эбей. Имя героя дается в том случае, когда подчеркивается его особая роль. То есть в сказке нет случайных эпизодов, диалогов, описаний. Чтобы передать описание этих образов в более красочных ипостасях, и в русских и башкирских волшебных сказках используются выразительные средства языка, как метафора, сравнение, аллегория и другие. Но конкретно какого-либо описания образа героя нет, характер и образ героя мы видим также через диалоги, монологи, через поступки того или иного героя. Как отмечают Г.Г. Кульсарина и Л.М. Салимова в своем труде "Языковая картина мира башкирского и русского народов": "Все сказки мира традиционно избегают конкретности в изложении событий" (Кульсарина, Салимова, 2009: 71). То есть от начала до конца сюжета сказки, образ героя обогащается, развивается - и все это мы видим через развитие действия, через сюжет. Так, в этой статье рассмотрим речевые формулы антропоморфных образов русских и башкирских волшебных сказок в сравнительном аспекте.

Знакомство с антропоморфными образами как русских, так и башкирских волшебных сказок, описание их внешнего облика предполагает работу с языковыми средствами сказки, при этом в центре внимания должны быть эпитеты, гиперболы, метафоры, устойчивые формулы сказки, употребляемые для характеристики персонажей, играющих важную роль в создании фантастики чудесного мира. Это образы волшебных помощников, дарителей, чудесных диковинок.

При работе над речевой характеристикой серого Бабы-Яги, Кощея и других антропоморфных образов можно определить какие черты характера выражены в их высказывании.

Так, определить специфику образов Бабы-Яги (Мæскэй эбей), Кощея (Иргәйел) помогло обращение к изобразительно-выразительным средствам языка сказки. Баба-Яга, в основном, играет отрицательную роль – это обобщенный образ злых, демонических сил, противостоящих сказочному герою. Играя отрицательную роль, образ Бабы-Яги по принципу контраста еще больше усиливает значение действий и поступков положительных героев,

образы которых приобретают особенно высокий гуманистический оттенок в изображении непримиримой борьбы темного и светлого начал в жизни далеких предков. По Е.М. Мелетинскому, Баба-Яга - древнейший мифический образ эпохи матриархата, генетически связанный с образом хозяйки леса, царством мертвых и более архаичными тотемистическими представлениями. Он считает, что за Бабой-ягой некогда скрывался баснословный могущественный дух, женщина-предок и покровитель эпохи родового строя (Мелетинский, 1958:198). Е.С. Новик же определяет Бабу-Ягу, с точки зрения ее изначального статуса родоначальницы семьи, как мать Ягишну или тещу героя, с точки зрения хозяйственной ее роли как "владычицу всех тварей", а с точки зрения пространственной приуроченности – как персонаж леса (Новик, 1975: 241).

По В.Я. Проппу, сказочная Баба-Яга выступает в трех ипостасях: яга-дарительница, яга-похитительница и яга-воительница. От Яги-дарительницы герой получает коня, богатые дары и т.д. Яга-похитительница умыкает детей, пытается их изжарить и съесть, а яга-воительница прилетает к героям в избушку, вырезает у них из спины ремень и пр. (Пропп, 1986: 53). Э.В. Померанцева отмечает также, что Баба-Яга может выступать и помощником, и противником: "Яга указывает дорогу в Кашеево царство, от нее герой получает чудесные предметы и волшебного коня. Вместе с тем Яга выступает как воительница, мстительница, похитительница детей. В первобытно-родовом обществе Яга олицетворяла мать-родоначальницу, и сказка подчеркнуто утрирует ее женские признаки, хотя делает это, вследствие падения культа, уже с насмешкой" (Азадовский, 1958: 150). В башкирских сказках Старуха-обжора (Убырлы карсык или Мәскәй әбей) всегда описывается отрицательно: "Однажды только ушли батыры на охоту, как пришла убырлы-карсык. Пришла и попросила девушек поискать у нее в голове. И стала у них высасывать костный мозг. Девушки стали чахнуть. Батыры спрашивают, в чем дело, а девушки молчат" (Башкирское народное творчество, 1988: Том 3: 155).

Таковыми же отрицательными качествами наделен и Кощей, или в башкирских сказках - иргәйел. Но Баба-Яга, как мы отметили выше, может обладать и не только отрицательными качествами, но и положительными. Как и Баба-Яга, Кощей (в башкирских сказках иргәйел или старик сам с вершок, борода в тысячу вершков) – человекообразное существо. Если иргәйел – это демонический старик-карлик, то Кощей также представляется безобразным стариком, коварным убийцей, скрягой, бездушным чудовищем. Как отмечает В.П. Аникин, Кощей собирательный образ, универсальное воплощение социальной несправедливости, отцовского права стяжательства и насилия

(Аникин, 1977: 130). Также он выделяет, что Кощей воплотил в себе ту силу, которая нарушила древние порядки и отняла у женщины ее прежнюю власть в семье (Аникин, 2001: 459).

Во всех сказках Кощей предстает как всемогущий владыка окружающего мира. В труде Аникина говорится, что слово "Кош" со старославянского языка обозначал "господин". И он предполагает, что Кош – древнейшее имя Кощей: "Недавний родовой старейшина, ставший господином, как правило, был самым старым в семье. Он основал семью. Последующие поколения - его "кость", на нем все держится, от него идет патриархальная семья" (Аникин, 1977: 131). Хотя в древнерусском языке слово "кощей" обозначал пленника, слугу, в современном русском языке слово "кощей" трансформируется и заменяет такие слова, как худой, костистый и т.д.

"Степень лексической стабильности медиальных формул различна. Одни из них весьма стабильны: долго ли коротко ли, стань передо мной, как лист перед травой и другие" (Кульсарина, Салимова, 2009: 82).

Чаще всего в сказках употребляются формулы, указывающие на длительность пути: «Бежала, бежала...» («Гуси-лебеди»), «Дурень шел-шел...» («Летучий корабль») и т.д.

Работая над пространственно-временными формулами сказки, можно обратить внимание на условность сказочного хронотопа: "шел он день, шел другой, шел третий", "долго ли, коротко ли", "скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается", а также на эпитеты, характеризующие сказочное пространство: дремучий лес, чистое поле. В основе сказки также всегда лежит метафора.

Лексические особенности языка сказки отражают отдельные слова и выражения: жили-были, не ленились, трудились, пахали, засевали, напасть, истребить, спалить, затужили, загоревали, утешают, не горюйте, биться насмерть, не тосковать, удерживать, отговаривать, снарядили, мечи булатные, котомки, хлеб-соль... Эти слова, столь важные для народной речи и для народной сказки, емки и полны чувств. Это простые русские слова, но как верно передают они события, которые происходят с героями.

Целесообразно рассмотреть и построение диалогов, обратив внимание на чувство собственного достоинства героев и, вместе с тем, особую деликатность, проявляющуюся в разговоре сыновей с родителями.

Наиболее важные внутренние формулы сказки - формулы, определяющие образ сказочных персонажей, формулы, описывающие действия сказочных персонажей, формулы, входящие в диалог.

Язык всех этих образов многозначен и неизмеримо глубок, как подлинный символ, как носитель значения, который позволяет представить внутреннее содержание, сочен, насыщен разнообразными пословицами, поговорками, меткими языковыми сравнениями. В них сохранены свойственные народной речи выражения, образные характеристики, игра слов, типичные для сказочного стиля повторения, звукоподражания.

Все противопоставления в сказках нужны для того, чтобы яснее и отчетливее выделить лучшие качества героя-богатыря, который борется с врагами за идеалы добра и справедливости, гуманизма и свободы. Л.Г. Бараг и Н.Т. Зарипов отмечают, что "фантастическое изображение героической борьбы с чудовищными противниками получает при этом демократическую социальную направленность" (Башкирское народное творчество 1988; Том 3; 17). Например, в сказках "Акъял-батыр", "Арпа-батыр", "Ташбаш-батыр, Султангул-батыр и Султанбай-батыр" и т. д. демократическая идейная направленность, в основном, проявляется в изображении борьбы героя с демоническим стариком-карликом и дэвами...<...>".

Таким образом, при анализе речевой характеристикой антропоморфных образов русских и башкирских волшебных сказок мы определяем черты характера, выраженные при помощи их высказываний. Сказка отличается строгой формой, обязательностью определённых моментов, а также устойчивостью компонентов. В ней почти не бывает картин природы и быта, действие как бы обнажено. Ей присущи почти постоянные композиционные особенности: зачины и концовки, повторения эпизодов, трёхступенчатое строение сюжета, введение лиц, чудесных, которые помогают герою достичь цели. Формулы являются выражением культуры русского и башкирского народов, в них мы находим отражение национального характера.

Также, можно сделать вывод, что волшебные сказки русского, башкирского и других народов тесно связаны с социальными отношениями той среды, в которой живут эти народы. Человекоподобные образы сказок олицетворяют те черты народа, которые несправедливо относились к простому, бедному народу. В разные исторические эпохи они могли отражать черты, связанные именно с этим временем и его социально-бытовым укладом. Поэтому не являются каким-то исключением сказки, в которых Баба-Яга играет положительную роль в жизни и судьбе героя.

ЛИТЕРАТУРА

Азадовский, Марк Константинович. История русской фольклористики. М.: Учпедгиз, 1958. - 479 с.

Аникин, Владимир Прокопьевич. Русская народная сказка. М.: Просвещение, 1977. - 208 с.

Аникин, Владимир Прокопьевич. Русское устное народное творчество: Учеб./ В.П. Аникин. М: Высш.шк., 2001. - 726 с.

Башкирское народное творчество. Том 3. Богатырские сказки . Уфа: Башкирское книжное издательство, 1988. - 448 с.

Кульсарина Гульнур Галинуровна, Салимова Лира Марселевна. Языковая картина мира башкирского и русского народов (на материале фольклорного и художественного текста): Учебное пособие /Г.Г. Кульсарина, Л.М.Салимова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. – 220 с.)

Мелетинский, Елеазар Моисеевич. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М: Изд.восточной лит., 1958. - 264 с.

Новик, Елена Сергеевна. Система персонажей русской волшебной сказки //Типологические исследования по фольклору. М.: Наука, 1975.С.214-246.

Пропп, Владимир Яковлевич. Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ, 1986. - 367 с..